

ЧАСТЬ I
Предисловие

Глава 1

УТРО

«И рукава, и спина... И весь класс... И простыни... Ай-ай-ай, вся кровать мокрая! Да, все промокло, я и проснулся», — бормотал Джевдет-бей. Все было мокрым, как в только что виденном сне. Ворча про себя, Джевдет-бей перевернулся на другой бок, вспомнил, что ему снилось, и вздрогнул. Во сне он снова был учеником начальной школы в Куле — сидел за партой, а напротив стоял учитель. Джевдет-бей приподнял голову с влажной подушки и сел в кровати. «Да, мы сидели, учитель стоял. Вся школа была по колено в воде, — сказал он вслух. — Почему? Потому что протекал потолок. С потолка лилась соленая вода, текла по моему лбу, по груди, растекалась вокруг. А учитель тыкал в меня указкой и говорил классу: „Все из-за этого Джевдета“». Вспомнив, как в него тыкали указкой, как все одноклассники, повернув голову, презрительно и осуждающе на него смотрели (взгляд старшего брата был самым презрительным и осуждающим), Джевдет-бей вздрогнул. Однако учитель, которому ничего не стоило в один присест избить весь класс на фалаке¹ и который одной пощечиной мог свалить ученика наземь, все-таки никак не наказывал его, Джевдета, за льющуюся с потолка воду. «Я был не похож на других — всегда один, все меня презирали, — размышлял Джевдет-бей. — Но никто не посмел меня и пальцем тронуть, хотя вода растеклась по всей школе!»

¹ *Фалака* — орудие наказания, применявшееся в школах Османской империи, — деревяшка, к которой привязывают ноги, чтобы потом бить палкой по пяткам. (Здесь и далее примеч. перев.)

Страшный сон вдруг пробудил в нем приятные воспоминания. «Да, я был не как все, всегда один — но наказать меня не могли». Вспомнив, как однажды он забрался на крышу и побил черепицу, Джевдет-бей встал с кровати. «Побил черепицу. Сколько лет мне тогда было? Семь. А сейчас мне тридцать семь, я помолвлен и скоро женюсь». Вспомнив о своей невесте, Джевдет-бей испытал приятное волнение. «Да, скоро мы поженимся, и... Э, да что это я! Опоздал!» Чтобы узнать, который час, он сначала метнулся к окну, раздвинул шторы и выглянул на улицу. За окном был туман, исходящий странным призрачным сиянием. Солнце, стало быть, уже взошло. И тут, злясь на себя за то, что никак не может избавиться от старой привычки определять время по солнцу, он посмотрел на часы: полпервого¹. «Господи, как бы не опоздать!» И Джевдет-бей побежал в уборную.

Умывшись и приведя себя в порядок, Джевдет-бей еще больше взбодрился. За бритьем он снова размышлял о своем сне, потом, вспомнив, что сегодня предстоит идти в особняк Шюкрю-паши, решил надеть новый костюм, рубашку с накрахмаленным воротничком, галстук, который полагал самым элегантным, и феску, заказанную к церемонии помолвки. Посмотревшись в небольшое настольное зеркало, Джевдет-бей решил, что выглядит именно так, как надо, — и все-таки ему стало немного грустно. В том, что он с таким волнением наряжается, собираясь идти в дом своей невесты, было нечто смешное. Все еще ощущая легкую, безобидную грусть, Джевдет-бей снова раздвинул шторы. Туман окутал минареты мечети Шехзадебаша, но купол виднелся довольно отчетливо. Виноградные лозы, увившие решетку в соседнем саду, казались зеленее, чем обычно. «Жаркий будет денек!» — подумал Джевдет-бей. У решетки сидела кошка и лениво вылизывалась. Вспомнив о своей двухместной карете, Джевдет-бей высунулся из окна: так и есть, уже по-

¹ Здесь и далее в этой части книги время указывается в соответствии с применявшейся в Османской империи системой, в которой сутки начинались в шесть часов утра.

дана. Лошади помахивали хвостами, кучер в ожидании сидел у ворот и курил. Рассовав по карманам пачку сигарет, зажигалку и бумажник, Джевдет-бей еще раз взглянул на часы, тоже положил их в карман и вышел из комнаты.

По обыкновению громко топая, он спустился по лестнице, где его, опять-таки как обычно, поджидала, заслышав шум, улыбающаяся Зелиха-ханым с вестью о том, что завтрак уже готов.

Стараясь сохранять внушительный вид, Джевдет-бей сказал:

— Милая Зелиха-ханым, у меня совсем нет времени. Ухожу.

— Как же так, не перекусив-то? — расстроилась старушка. Однако, увидев решительное выражение на лице Джевдет-бея, она скрылась на кухне.

Джевдет-бей проводил ее печальным взглядом, но сразу на улицу не вышел. Он думал о том, что после свадьбы от Зелихи-ханым придется как-то избавиться. Она приходилась ему дальней родственницей — очень дальней, — но с тех пор, как они поселились под одной крышей, между ними установились отношения, похожие на отношения матери и сына. В Хасеки у него были и гораздо более близкие родственники, но девять лет назад, когда Джевдет-бей купил этот дом, он пригласил жить с ним именно Зелиху-ханым, поскольку решил, что она будет меньше вмешиваться в его дела. Старушка, у которой не было ни семьи, ни денег, поселилась на первом этаже маленького деревянного домика, в котором было всего четыре комнаты. За крышу над головой она прибиралась и готовила. Оглядывая обжитый Зелихой-ханым этаж, Джевдет-бей раздумывал, как бы уговорить ее с ним расстаться. После свадьбы она оставаться с ним не могла, поскольку продуманная Джевдет-беем модель семейной жизни не предусматривала наличия подобной персоны. Согласно этой модели, домашняя прислуга должна относиться к Джевдет-бею как к хозяину, а вовсе не как к сыну. Зелиха-ханым, видимо, догадывалась, что, женившись, продав дом и переехав на другой берег Золотого Рога, Джевдет-бей постарает-

ется от нее отделаться, и поэтому в последнее время стала еще более старательной и усердной. Вот она уже спешит из кухни с тарелкой в руках:

— Сыночек, я бы тебе кофе приготовила. Всего минутку...

— Нет у меня времени, совсем нет! — ответил Джевдет-бей и, улыбнувшись, взял с тарелки веселый, как начинающийся день, хлеб с вишневым вареньем.

Поблагодарив Зелиху-ханым, он снова улыбнулся, а выходя, понял, что улыбнулся не с любовью, а с жалостью, и ему стало не по себе. Ему захотелось что-нибудь сказать Зелихе-ханым, и он, вернувшись, сообщил, что, возможно, придет поздно, но на душе легче не стало.

Направляясь к карете, Джевдет-бей снова вспомнил свой сон: «Да, я не такой, как все, — но никто меня не наказывает!» От сердца немного было отлегло, но тут он увидел кучера — и настроение снова испортилось, поскольку тот, подобно всем кучерам, хорошо осведомленный о подробностях частной жизни своего клиента, смотрел на него с таким выражением, будто говорил про себя: «Ах ты такой-сякой, я про тебя все знаю — куда едешь, что делаешь, о чем думаешь!» Джевдет-бей весело ему улыбнулся, справился о здоровье, велел ехать к лавке в Сиркеджи¹, сел в карету и впился зубами в хлеб с вареньем.

Карета, покачиваясь, ехала мимо деревянных домов, на фоне которых выглядела еще более роскошной, чем была на самом деле. Эту двухместную карету Джевдет-бей взял напрокат на три месяца, поскольку полагал, что при помолвке и во время свадебных церемоний она будет ему необходима. Двамя месяцами ранее, едва узнав, что Шюкрю-паша согласен выдать за него свою дочь, он отправился в Ферикей², где находилась контора, выдававшая напрокат роскошные экипажи, и, поторговавшись, нанял на три месяца карету с куче-

¹ *Сиркеджи* — район в европейской части Стамбула на южном берегу залива Золотой Рог.

² *Ферикей* — район в европейской части Стамбула на северном берегу залива Золотой Рог.

ром. Ему не хотелось подъезжать к особняку паши в обычной наемной карете, а купить эту — хотя содержание ее и обходилось в немалую сумму — он не мог, поскольку приобретение кареты могло нарушить некоторые задуманные им торговые сделки. Поедая хлеб с любимым вишневым вареньем, Джевдет-бей размышлял: «Однако держать эту карету больше трех месяцев просто глупо. Денег-то сколько уходит! Лучше бы я ее купил. Но если купить, то не останется денег на кое-какие расходы по лавке. Как быть? Свадьба мне дорого обойдется! Но без нее никак...» Подумав о свадьбе, о новой жизни, которую он столько лет представлял себе в мечтах, о новом доме, о будущей семье и о невесте, которую видел всего два раза, Джевдет-бей пришел в хорошее расположение духа. Промелькнула у него, правда, мысль о том, что кое-кто посмеялся бы над тем, кто держит столь роскошные кареты, но настроение было такое хорошее, что он эту мысль выбросил из головы. «Если бы я обращал внимание на подобные пустяки, — подумал он, — нечего мне было бы делать в коммерции! Собственно говоря, мусульмане потому и не решаются заняться торговлей, что боятся осрамиться, стесняются... А мне все равно! Ну желает госпожа карету — и что тут такого?» Ему очень нравилось называть свою невесту Ниган, виденную им два раза, госпожой. Карета меж тем, покачиваясь, спускалась по склону холма, и Джевдет-бей легонько покачивался в такт. «Милая моя, если дела в лавке и у компании пойдут хорошо, купим мы эту карету, тут же купим», — пробормотал он себе под нос и засунул в рот последний кусочек хлеба. Затем, словно ребенок, съевший конфету и грустно глядящий на руку, в которой она только что была, Джевдет-бей уставился на свои пальцы. «Но свадьба, похоже, лишит меня даже того, что есть», — подумал он и расстроился.

Карета спустилась по улице Бабы-Али и свернула в переулок. Туман рассеялся, и на смену странному сиянию пришел обычный яркий солнечный свет. Лучи летнего солнца быстро нагрели карету, и Джевдет-бей начал медленно поджариваться. «Ну и жаркий же денек будет! Какие у меня

сегодня планы? Поскорее бы разделаться с делами в лавке! Потом, может быть, брата навещу». Но о старшем брате, который сейчас лежал больной в пансионе в Бейоглу¹, Дживдет-бею думать не хотелось. «Потом обед с Фуат-беем. Он недавно вернулся из Салоник... А после обеда — в Нишанташи², в особняк Шюкрю-паши!» При мысли о том, что, возможно, ему удастся в третий раз увидеть невесту, Дживдет-бей разволновался. «Потом надо будет еще разок взглянуть на тот дом, что подыскал посредник». Дживдет-бей давно решил, что, женившись, купит дом в Нишанташи или Шишли³. «Потом вернусь в лавку. Жаль, не смогу там сегодня долго пробыть. Какой у нас сегодня день? Понедельник!» Дживдет-бей посчитал на пальцах: три дня тому назад на султана Абдул-Хамида⁴ было совершено покушение во время пятничного следования в мечеть; ровно за две недели до этого состоялась помолвка. «Уже семнадцать дней, как я помолвлен!» Тут карета остановилась у дверей лавки.

Стоило Дживдет-бею завидеть свою лавку, как мысли о счетах, о доходах и расходах, убаюканные покачиванием кареты, с новой силой вспыхнули в его мозгу. «Надо написать заказ на краску. Кому бы продать те светильники, что оказались бракованными? Если Ашкенази не вернет сегодня долг, я ему скажу, что... — Между тем он уже переступал порог лавки. — Во имя Аллаха! Потребую у Ашкенази больше двух сотен лир. Если согласится, дам отсрочку еще на месяц». Войдя в лавку, Дживдет-бей сухо кивнул одному мальчику, а другому, работающему и скромному, улыбнулся.

— Эй, сынок, принеси-ка мне кофе! — бросил он первому мальчику. — Да купи еще булочку!

¹ *Бейоглу* — район в европейской части Стамбула на северном берегу Золотого Рога.

² *Нишанташи* — район в европейской части Стамбула, севернее Бейоглу.

³ *Шишли* — район в европейской части Стамбула, неподалеку от Нишанташи.

⁴ *Абдул-Хамид II* (1842–1918) — турецкий султан (1876–1908). В начале правления ввел конституцию, но вскоре распустил созванный на ее основании парламент и установил деспотический режим.

Как всегда по утрам, Джевдет-бей первым делом устремился к стоящему в глубине лавки столу, сел и оглянулся по сторонам, словно ища, к чему бы придраться. Затем, увидев, что на столе, как всегда, лежит номер «Монитор Д'Ориент», успокоился и сел поудобнее. Джевдет-бей читал эту газету потому, что ее покупали все коммерсанты, потому, что она уделяла достаточно внимания коммерческой жизни, и еще потому, что он не хотел забывать французский. Сначала Джевдет-бей по привычке взглянул на дату: 24 июля 1905-го, или 11 теммуза 1321-го, понедельник, потом просмотрел заголовки. Прочитал последние новости, связанные с покушением на султана. Пробежал глазами сообщения о ходе Русско-японской войны — они его не очень заинтересовали. Потом перевернул страницу и углубился в биржевые сводки, среди которых нашел несколько весьма интересных для себя новостей. Кое-что любопытное было и на странице объявлений. Торговец железом Димитрий продавал свой склад, — должно быть, дела пошли совсем плохо. Панайот, который, как и Джевдет-бей, занимался электрическими приборами и скобяными изделиями, рекламировал новый товар. Джевдет-бей решил было тоже дать объявление, но передумал. Потом его взгляд упал на сообщение о том, что в «Одеоне» открывает новую программу какая-то театральная труппа. Тут ему вспомнился брат, и он вздрогнул. Тяжелобольной старший брат Джевдет-бея был влюблен в театральную актрису, армянку. Стараясь избавиться от мыслей о брате, Джевдет-бей съел принесенную мальчиком булочку, выпил кофе и начал неторопливо читать статью, привычно расстраиваясь при виде незнакомых французских слов. Потом, как это всегда с ним происходило, когда он читал по-французски, Джевдет-бей стал вспоминать, как упорно он старался выучить этот язык, как занимался с дорогим частным преподавателем, как читал вместе с ним простейшую книгу о жизни французской семьи. Как ему тогда хотелось, чтобы и у него была такая же замечательная семья и такой же дом, как в этой книге! Вспоминать об этом было очень приятно. Скоро, думал Джевдет-бей, и моя жизнь станет похожа на жизнь

той французской семьи. Добравшись до середины статьи, он решил, что попусту теряет время, отложил газету и поднялся из-за стола. Булочку он съел, кофе выпил, сигарету выкурил, газету просмотрел. Теперь Джевдет-бей чувствовал себя в достаточной степени собранным, решительным и спокойным, чтобы приступить к делам. Расчеты и планы, связанные с торговлей, уже не лежали мертвым грузом на дне его сознания, как утром, и не польхали пожаром, как только что. Теперь эти мысли напоминали сильное, но спокойное пламя — именно такими надлежит быть мыслям подлинного коммерсанта. «Что ж, первым делом еще раз взглянем с Садыком на счета», — подумал Джевдет-бей.

Счетовод Садык был молод, на десять лет моложе Джевдет-бея, но выглядел старше своих лет. Поднявшись на второй этаж, Джевдет-бей переговорил с ним, выяснил, что разница между предстоящими до четверга расходами и доходами будет совсем небольшой, и решил, что пойдет к Ашкенази и потребует выплаты долга.

Затем Джевдет-бей спустился к продавцам, поговорил со средних лет албанцем, который считался кем-то вроде главного продавца, показал ему на прилавок, заставленный банками с краской, светильниками и всякой мелочью, и сказал, что покупателям нравится, когда на прилавке порядок. Он имел в виду, что прилавок должен быть пуст, но албанец его не понял и попытался убедить, что это-то и есть порядок. В ответ Джевдет-бей сам зашел за прилавок и, то и дело кидая на продавцов суровые взгляды, расставил все по местам, а потом, дабы те смотрели и учились, обслужил зашедшего в лавку покупателя. Заметив, что его урок произвел на пристыженных продавцов должное впечатление, он вернулся за свой стол, откуда мог следить за всем, что происходит в лавке.

Усевшись за стол, Джевдет-бей решил составить заказ на краску. Быстро, привычной рукой написав заказ до середины, он подумал, что неплохо было бы нанять секретаря и поручать подобные дела ему. Однако новый служащий — это новые расходы. «Да к тому же сейчас, когда столько денег

уходит на подготовку к свадьбе!» Тем временем со склада, находившегося в двух минутах ходьбы, пришел сторож и сообщил, что прибыли ящики со светильниками, однако они оказались такими большими, что носильщики никак не могут протащить их в дверь, и он, сторож, боится, как бы они чего-нибудь не разбили. Джевдет-бей нехотя встал из-за стола и пошел улаживать это дело. Походив вокруг ящиков, он велел вскрыть их и перенести содержимое на склад. Что было довольно глупо, поскольку светильники предназначались для отправки поездом в Анатолию, но другого выхода все равно не было. Разобравшись с лампами, Джевдет-бей дописал заказ и погрузился в печальные размышления о нехватке денег и времени. Неразрешенным оставался и вопрос о том, как избавиться от бракованных светильников. Надо спросить у Фуата — на его смекалку и дружеские чувства вполне можно положиться. Тут Джевдет-бей беспокойно взглянул на часы. Почти половина третьего. Пора идти к Ашкенази.

Глава 2

КОММЕРСАНТ-МУСУЛЬМАНИН

Едва Джевдет-бей вышел из лавки, как настроение у него улучшилось. С утренними заботами покончено легко и просто. Все шло замечательно — как всегда. Пройдя мимо своего кучера, который, сидя под деревом, точил лясы с другим кучером и его не заметил, Джевдет-бей направился в сторону Султанхамам¹, по дороге размышляя, в каких выражениях будет требовать с Ашкенази денег и предлагать тому отсрочку в обмен на увеличение суммы долга. На ходу он здоровался со знакомыми — владельцами лавок в Сиркеджи, преимущественно евреями и греками. Те провожали затесавшегося в их ряды мусульманина любопытствующими взгля-

¹ *Султанхамам* — район в европейской части Стамбула на южном берегу Золотого Рога.

дами. Джевдет-бей улыбался. Он понимал, что означают эти взгляды: «Ага, этот торговец в феске хочет стать одним из нас. Его смелость и решительность нам нравятся!» Взгляд Джевдет-бея в свою очередь говорил: «Знаю-знаю, что вы обо мне думаете! Знаю, что я на вас не похож!» Когда до лавки Ашкенази оставалась пара шагов, какой-то торговец прогудел из глубины своего магазинчика:

— Э, осветитель Джевдет-бей! Какой вы сегодня шикарный!

— А я всегда такой, — бросил в ответ Джевдет-бей, чтобы показать, что шутки понимает и ценит, но тут же вспомнил, что шикарно оделся по вполне определенной причине, и покраснел.

Едва войдя в лавку стройматериалов и предметов домашнего обихода, принадлежавшую Ашкенази, Джевдет-бей, к своему неудовольствию, понял, что хозяина нет на месте: в лавке царила непринужденная, расслабляющая атмосфера, мальчики бездельничали и перешучивались между собой. Один из них сказал, что пароход с островов¹ задержался из-за утреннего тумана, и Джевдет-бей вспомнил, что летом Ашкенази переезжал на Большой остров. Внезапно ему стало грустно. Среди всех этих евреев, греков и армян он чувствовал себя очень одиноким.

Назад он решил вернуться другой дорогой — по проспекту, понадеявшись, что тамошняя многолюдная суета развеет его грусть. По пути Джевдет-бей размышлял о своем одиночестве. «Сколько в Стамбуле таких, как я, — богатых торговцев и при этом мусульман? В Сиркеджи, Махмутпаше и Селяниклилере — лишь недавно открывший лавку Фуат-бей да аптекарь Этхем Пертев. Я богаче и того и другого. Один я, один...» Было жарко, и Джевдет-бей обливался потом в своем строгом костюме. На ум ему снова пришел давешний сон: «Тогда было то же самое. Все вместе, а я один. И пот по лбу тек». Порывшись в карманах, он понял, что

¹ Имеются в виду Принцезы острова в Мраморном море, место летнего отдыха стамбульцев.

забыл дома платок. «После свадьбы за этим будет следить госпожа», — сказал Джевдет-бей сам себе, но даже мысли о свадьбе и семейной жизни его не утешили. «А что я сделал, чтобы стать не таким, как все? Работал, трудился! Ни о чем не думал, кроме лавки и того, как расширить дело. Работал, не жалея сил!» Тут Джевдет-бей с радостью заметил на углу торговца прохладительными напитками. «И в конце концов успеха я добился...» Выпив стакан воды с вишневым сиропом, Джевдет-бей почувствовал, что на душе у него полегчало, и решил, что причиной тоски была ужасная летняя жара. В этот момент кто-то его окликнул:

— Никак Джевдет-бей? Как поживаешь?

Это был доктор Тарык, один из друзей брата по Военно-медицинской академии. Как обычно и бывало с приятелями Нусрета, он вначале обрадовался при виде Джевдет-бея, но потом, вспомнив, что это все-таки совсем другой человек, поскущел. Подробно расспросив Джевдет-бея о здоровье брата и о многом другом, что с ним связано, доктор Тарык, даже не пытаясь скрыть пренебрежительной усмешки, сказал:

— Ну а ты, интересно, что поделываешь? Небось все торговля, торговля... — и, наспех попрощавшись, растворился в толпе.

«Да, торговля. Торговля! — пробормотал Джевдет-бей и направился к своей лавке. — А чем мне надо было заняться? Стать военным врачом, как некоторые, я не мог...» Ему вспомнились детство и первые годы юности. Его отец Осман-бей был мелким чиновником в городке Кула. Там Джевдет ходил в начальную школу, которую видел сегодня во сне. Потом отец получил повышение, и они переехали в Акхисар. Город этот был довольно богатый, поскольку через него проходила железная дорога. Там Джевдет пошел в рюштийе — среднюю школу. Летние дни он проводил, бродя в одиночестве среди окружавших Акхисар виноградников и инжирных садов. Учителя говорили, что и он, и его брат Нусрет очень способные ученики, а отец всегда добавлял, что это они в мать такие умные пошли. Потом их умная мама, которую

отец безумно любил, заболела. Осман-бей попросил о переводе в Стамбул, где ее можно было бы положить в больницу, но получил отказ. Тогда он ушел в отставку, переехал с семьей в Стамбул, положил жену в больницу, а сам открыл в Хасеки деревянную лавку. Год спустя Нусрет поступил в Военно-медицинскую академию, а еще через полгода отец внезапно умер, оставив на руках у Джевдета больную мать и лавку. До двадцати лет Джевдет торговал в Хасеки дровами и пиломатериалами, затем перенес свой склад в Аксарай. Когда ему было двадцать пять, он открыл в Аксарае маленькую лавку скобяных изделий, а через несколько лет переехал в Сиркеджи. В том же году умерла мать. Нусрет оставил Джевдету все, что ему причиталось по наследству, и уехал в Париж. Через год Джевдет разорвал отношения с оставшимися в Хасеки родственниками и купил дом в районе Вефа¹. «Да, я не мог стать военным врачом, как этот Тарык! Мне оставалось только заняться торговлей — и по этому пути я пошел смело, безоглядно. Был бы чуть трусливее — до сих пор сидел бы в деревянной лавчонке в Хасеки!» Мысли о жизни в Хасеки, о тамошних родственниках и знакомых навевали на Джевдет-бея тоску. «Сбежал я от них. С ними о настоящей коммерции и думать нельзя было». Вдалеке показалась лавка; карета теперь стояла в тени под деревом. «Лавочка моя!» — промурлыкал Джевдет-бей себе под нос. Главным своим успехом, впрочем, он считал не переезд из Хасеки, а то, что пять лет назад добился исключительного права поставлять осветительные приборы муниципалитету и паровой компании «Хайрийе», после чего получил среди торговцев прозвище Осветитель. Воспоминания об этом успехе всегда доставляли Джевдет-бею удовольствие. С тех пор как он занялся осветительными приборами, оборот его компании увеличился в четыре раза. Конечно, пришлось раздать немало взяток в муниципалитете, и вспоминать об этом было не очень приятно, что сам успех, впрочем, несколько не

¹ *Вефа* и *Хасеки* — районы в европейской части Стамбула на южном берегу Золотого Рога.

омрачало. Джевдет-бею снова вспомнился недавний сон: «Эх, что поделать! Но и это сошло мне с рук...» Вспомнилась ему и Зелиха-ханым, ее взгляд сегодня утром на лестничной площадке. «Что поделать, что поделать, такова жизнь!» — сказал Джевдет-бей вслух. Он чувствовал себя спокойным и неуязвимым, как будто на нем была невидимая броня, защищающая от всех невзгод.

Подойдя к лавке, Джевдет-бей в который раз прочитал надпись на вывеске:

ДЖЕВДЕТ-БЕЙ
И СЫНОВЬЯ
СКОБЯНЫЕ ТОВАРЫ – ИМПОРТ – ЭКСПОРТ

Экспортом, правда, Джевдет-бей еще не занялся, да и сыновей у него не было, но и то и другое значилось в планах. «Эх, не получилось с Ашкенази долг получить», — размышлял Джевдет-бей, входя в лавку. «Поговорю-ка еще разок с Садыком о счетах. Потом подумаю, что делать с бракованными светильниками... Кстати, который час? Э, совсем времени нет! Надо еще сходить на склад, посмотреть, как там дела. Как бы не побили все. А это что за мальчик, что ему от меня нужно?»

Маленький мальчик, поджидавший Джевдет-бея в лавке, протянул ему конверт:

— Эфенди, это от мадемуазель Чухаджиян!

Сначала Джевдет-бей никак не мог вспомнить, кто такая эта мадемуазель, и, сам не зная отчего, смутился и покраснел. Дал мальчику бакшиш и тут вспомнил, что так звали армянку, возлюбленную брата. Разволновавшись, Джевдет-бей вскрыл конверт и прочитал:

«Джевдет-бей, Ваш брат Нусрет очень плох. Вчера вечером потерял сознание. Утром как будто пришел в себя, но все равно очень, очень слаб. Если бы Вы пришли его навеситить, ему было бы очень приятно. Пожалуйста, не говорите ему, что я написала Вам это письмо».

«Очень плох, видите ли, — пробормотал Джевдет-бей про себя, засовывая конверт в карман. — И с мамой так же было,

но она ведь тогда не умерла! Снова хотят денег... А у меня и так ни на что нет времени!» Заметив, что мальчик по-прежнему стоит у него за спиной, ожидая ответа, Дживдет-бей внезапно устыдился своих мыслей. «А что, если он и вправду настолько плох? Боже, о чем я думаю! Что я за человек! У меня же брат умирает!» — думал он, нервно меряя лавку шагами.

Вручив мальчику еще монетку, Дживдет-бей отослал его прочь. Потом, не находя себе места от волнения, поговорил с продавцом-албанцем и счетоводом Садыком. Он понимал, что говорит ерунду, что и продавец, и счетовод дивятся на него, а в голове все крутилось одно: «Брат умирает!» Дживдет-бей сам не ожидал, что может так разволноваться. «Мне нужно успокоиться!» — сказал он сам себе, садясь в карету, и приказал кучеру ехать в Бейоглу.

Когда карета тронулась с места, Дживдет-бею удалось немножко успокоиться. «Может быть, он и не умирает вовсе. Может, это просто небольшой кризис... Вот и с мамой так было... А разволновался я, потому что, кроме брата, у меня близких людей нет! Никого у меня нет!» Когда карета поравнялась с лавкой Ашкенази, Дживдет-бей, пытаясь избавиться от тревожных мыслей, стал смотреть в окно.

Карета остановилась у Галатского моста, кучер платил за проезд. Продавец лимонада стоял на своем обычном месте, оглашая окрестности призывными криками. Мухи садились на персики, лежавшие на тележке торговца фруктами. Вдали, у верфи в Касымпаше¹, виднелись остовы судов, завалившиеся набок шхуны, проржавевшие баржи. Карета вновь тронулась с места. Утренний туман рассеялся, и над мостом распростерлось ярко-голубое небо, по которому плыло несколько облачков. Знакомый Дживдет-бею колесный пароход «Сухулет» шел из Золотого Рога в сторону Мраморного моря. Посредине моста у перил стоял и смотрел на волны высокий широкоплечий мужчина в большой шляпе, рядом

¹ *Касымпаша* — район в европейской части Стамбула на северном берегу Золотого Рога.

с ним — женщина с незакрытым лицом. Дети, одетые в матросские костюмчики, держали их за руки. «Вот это семья!» — подумал Джемдет-бей. Впереди, у фонарного столба, стояли двое мужчин в фесках и галстуках и тоже наблюдали за семейством человека в шляпе. «Вот это семья!» Мимо мужчин в фесках пробежали носильщики с шестами, к которым была приторочена поклажа. К мосту приближался другой знакомый Джемдет-бею пароход — «Сахильбент»; прикившие к перилам дети смотрели на него во все глаза. В первые месяцы после переезда в Стамбул Джемдет-бей тоже приходил сюда, смотрел на море и на корабли, наблюдал за всей этой странной суетой, провожал взглядом роскошные кареты. В те времена набережную в Сиркеджи еще не построили. «В те времена... Да ведь двадцать лет прошло!» — подумал Джемдет-бей, вспомнил, как впервые пришел сюда с братом, и снова его охватил страх.

Он вытащил из кармана письмо и внимательно его перечитал. Написавшая письмо особа просила не говорить о нем Нусрету. Эта женщина очень любила брата, и если она в состоянии думать о подобных мелочах, значит его дела не так уж плохи. Джемдет-бей вспомнил, как счел поначалу это письмо уловкой, чтобы выманить у него денег, и ему стало стыдно. «Ладно, но почему она не хочет, чтобы я ему сказал? Да потому, что брат был против того, чтобы я знал о состоянии его здоровья!» Брат всегда относился к нему пренебрежительно, ему не нравился ни образ жизни Джемдет-бея, ни образ его мыслей. Деньги, впрочем, Нусрет у него брал — поэтому и не хотел видеть брата, а когда они все-таки встречались, мучился от стыда, но старался побольнее уязвить Джемдет-бея. Понимая, что встречи не доставляют удовольствия ни ему, ни брату, Джемдет-бей навещал его крайне редко. При встречах Джемдет-бей каждый раз, поговорив с братом о том о сем, принимался уверять его, что необходимо лечь в больницу и избавиться наконец от этой проклятой болезни. Брат в ответ неизменно говорил, что больницы созданы исключительно для того, чтобы отправлять людей на кладбище, и уж